

Памяти В. В. Комиссаржевской.

Какъ несчастливцевъ, въ «Лѣсъ» Островскаго, неожиданно находить «трагическую актрису» въ имѣнии своей тетушки, вдовы помѣщицы Гурмыжской,— въ лицѣ ея дальней и бѣдной родственницы, тѣсной любовью и обстоятельствами, такъ Россія, до нѣкоторой степени, нашла себѣ «трагическую актрису» въ лицѣ безвременно погибшей Комиссаржевской. И такъ же жадно, какъ онъ,—она ухватилась за Вѣру Федоровну. И театр ея въ Петербургѣ, но особенно она сама лично,—были окружены горячею любовью энтузіастовъ, особенно изъ молодежи...

* * *

Комиссаржевская значительно выходила изъ рамокъ «актерства», «актрисы»... Привычка ли, традиція ли, а, можетъ-быть, бѣдность талантовъ на сценѣ, слѣдали то, что со словомъ «актеръ» мы невольно соединяемъ представленіе чего-то «пехового», ремесленного; чего-то «непрѣмѣннаго», съ одной стороны, и «на всѣ руки годнаго»—съ другой. «Иванъ Ивановичъ» или «Варвара Ивановна» на всѣ роли пригодны,—только мѣняютъ «парички». И, съ другой стороны,—они всю жизнь только и дѣлаютъ, что мѣняютъ парички: другой жизни нѣтъ; человѣка нѣтъ, гражданина нѣтъ; только «играютъ роли» и, въ сущности, сами «безъ роли» въ громадѣ человѣчества.

Комиссаржевская была гражданинъ, человѣкъ; была художница. «Цехомъ» и «ремесломъ» отъ нея не пахло.

Болѣе: не выйди она въ актрисы, художественный ея даръ или, скорѣе, даръ лирико-художественный прорвался бы въ другую сферу, только лишь немного измѣнивъ свои очертанія, «примѣнившись къ обстоятельствамъ». У нея было большое «я». И это «я» вездѣ бы выразилось, засверкало и привлекло къ себѣ вниманіе.

Стимите у М. Г. Савиной, тоже великой актрисы, гардеробъ и гримы; отберите у нея «роли», и что ослѣтается? Умная, живая женщина; даровитый человѣкъ. Но безъ всякаго другого призванія. Ни на какой сферѣ она не вышла бы изъ рамокъ «обыкновеннаго»,—и только единственно на сценѣ она заблестала и приковала къ себѣ взоры, умы, критику.

Это—урожденная актриса, отъ колѣбелі актриса. И—только актриса.

Комиссаржевская... скорѣй была яркій, патетическій, лирический талантъ, который могъ выброститься куда угодно, на какой угодно берегъ. И если онъ выбростился на сцену, то это была судьба, можетъ-быть, счастливая судьба, но—безъ непремѣннаго. Отсюда, въ противоположность Савиной, она такъ поздно выступила на сцену и задумывала, послѣдній годъ, перейти въ другую совсѣмъ сферу,—пелагическо-театральную. Всякому понятно, что это—совсѣмъ иное, чѣмъ самой играть на сценѣ, подъ тыщачею устремленныхъ на нее глазъ. Другой талантъ, другія средства ума, другія слова и движенія. Все другое.

Достаточно было немного разъ увидѣть ее на сценѣ, чтобы почувствовать, до чего она безсилна, какъ слабѣетъ въ главныхъ, господствующихъ, вѣковыхъ роляхъ русскаго театра—бытовыхъ; или, такъ какъ этихъ ролей она и не брала на себя, въ отдѣльныхъ, краткихъ черточкахъ «бытового», которыя, вѣдь, не могутъ не встрѣтиться въ каждой роли, какъ есть и въ каждомъ положеніи человѣка, самою трагическомъ и случайномъ. Всякій герой и во всякомъ несчастіи, вѣдь, ѣсть, пьетъ, спитъ и, словомъ, не свободенъ отъ первоначальныхъ, простѣйшихъ элементовъ «быта». Это и подводитъ насъ къ главной и новой чертѣ Комиссаржевской: она была совершенно неспособна передать сколько-нибудь характерно и живо, искренно, престо умѣло—ни одного штриха «быта», т.-е. «повседневнаго», «обыкновеннаго»! Какъ это удивительно: не умѣетъ ничего обыкновеннаго!! То-есть вся необыкновенна и нова!

Конечно... «трагическая актриса» и даже трагическая личность!

Это и есть ея главное. «Гримы» не затушевывали Комиссаржевскую, а «роли» она играла только тѣ хорошо, гдѣ

играла «Комиссаржевскую», все ее и ее, ее одну, ее всегда; играла свои отбѣлки, интонаціи, трансформации, перевоплощенія. Въ душѣ ея и въ голосѣ звенѣла одна струна, болѣзненная, надтреснутая,—которую ничто заглушить не могло... И по этой звенящей струнѣ голоса, такой особенной и личной, всегда можно было найти ее, въ толпѣ, въ ночи, гдѣ угодно... По звуку открывалось лицо, въ звукѣ узнавался человѣкъ. «Это опять она!»—сказалъ бы каждый, не знающій или разсѣянный, или случайно отвернувшийся отъ сцены.

Загадочно и прекрасно. Немного волшебно. Въ актерѣ это волшебіе,—«играющимъ всякія роли». Гейне какъ будто лично зналъ Комиссаржевскую, написавъ эти стихи:

Расписаны были кулисы пестро,
Я такъ декламировалъ страстно,
И мантіи блестя, и на шляпѣ перо,
И чувства,—все было прекрасно.

Но, вотъ, хоть ужъ сбросилъ я это
тряпье,
Хоть нѣтъ театральнаго хламу,
Доселѣ болитъ еще сердце мое,
Какъ будто играю я драму!

И что я поддѣльною болью считалъ,
То боль оказалась живая—
О, Боже,—я, раненый на-смерть, игралъ,
Гладиатора смерть представляя!

Совпаденіе роли и дѣйствительности, живого существа и «актрисы» такъ поразительно въ Комиссаржевской и такъ исключительно для нея,—что это не могло не обратить всеобщаго вниманія. Кто же интересуется актеромъ «какъ частнымъ человѣкомъ»? Онъ—«весь на сценѣ». Но къ Комиссаржевской существовалъ всеобщій интересъ, какъ къ человѣку, такъ какъ въ чувствовали, что въ ней «актриса» и «человѣкъ» слиты въ одно. И не человѣкъ служить «актрисѣ», а «актриса» служить человѣку.

Это всѣхъ взволновало и заняло.

Еще немного чего-то добавить бы,—и получилось бы великолѣпное зрѣлище... Но у Комиссаржевской было «надтреснутый голосъ»... Мечты души ея были гораздо выше дѣйствительности; зрѣніе хватало дальше, чѣмъ сила крыльевъ. Она вся была трепетаніе, порывъ, но не успѣхъ... Такъ и полюбили въ ней всѣ этотъ трепеть, порывъ и страданіе; полюбили безсиліе... Плакаемое нами всѣми въ себѣ...

Каждый полюбилъ въ ней частицу своей души, лучшую; трагическую и безсилную. Русскія «струны» всѣ звучатъ въ туманѣ.

Звуки слышимъ, лица не видимъ.

Кто-то зоветъ: куда—не знаемъ.

И тоскуемъ. И будемъ жить въ тоскѣ, пока не умремъ...

Все—какъ Комиссаржевская.

Вотъ, въ этотъ полетъ своего «турнэ» она и увлекла души множества людей, особенно молодежи; но не ея одной, далеко не одной ея. Всякій, молча, про себя, въ глубинѣ души отнесъ что-то за вѣтное свое къ «ней», соединилъ свое лучшее, можетъ-быть, похороненное или замученное,—къ «ней» и слѣдилъ съ двойною мукою за ея движеніями, голосомъ, словами на сценѣ... На кое-что изъ «сценическаго» каждый смотрѣлъ, какъ на тропочку своей біографіи, своего «возможно бы», «нужно бы», но что «не вышло», «не удалось» или «чего я не сдѣлалъ»...

И вотъ еще немножко бы большого разума сюда, на сцену, или самообладанія, или могущества какаго-то, которое мы не умѣемъ опредѣлить. Но все русское безсилно...

Она умерла страшно и прекрасно. Ну, что умереть «на пенсіи» и въ старости, съ вывалившимися зубами. Дайте немного прекраснаго самой жизни,—а не одному театру. Жизнь также хочетъ, темный

рокъ исторіи хочеть и трагедіи, а не одной комедіи и водевилей. Рокъ говорить: «Вы все живете бытомъ, но нуженъ и случай».

Комиссаржевская изъ черной урны Рока выпула «случай», самый ужасный, но и прекрасный.

Именно—въ Самаркандѣ, у сартовъ, вдали, вдали отъ всѣхъ, кто зналъ и любилъ ее,—отъ зараженія, самое названіе котораго вселяетъ ужась.

Была—и нѣтъ.

Любили—и нѣтъ ничего.

Такъ погасла ея «перелетная звѣздочка», только пересѣкая нашу земную атмосферу. И откуда она пришла, куда ушла она,—не знаемъ.

Мы взглянули,—и ничего нѣтъ. А любилъ и залюбовались и «по звѣздочкѣ» гадали свою судьбу. Но мы еще живемъ, а ея нѣтъ.